Тимур-Мелик / повесть

Category: Kitapcy,Taryhy proza
написано kitapcy | 24 января, 2025
Тимур-Мелик / повесть ТИМУР-МЕЛИК

Повесть «Тимур-Мелик» рассказывает о событиях гражданской войны и о более далекой истории, когда Центральная Азия захватывалась ордами Чингисхана. Из сборника «Коровы пустыни». Для широкого круга читателей

Солнце клонилось к закату, и его обжигающий жар начал спадать. Временами солнце закрывалось легкими облачками, парившими над горным хребтом, за который светило стремилось спрятаться. И тогда свежий ветер приносил прохладу с озера. Маленький городок Рыбачье, приютившийся у самой западной окраины горного озера Иссык-Куль, оживал. Люди, утомленные дневным зноем, выходили из домов и спешили на берег «горного моря» окунуться в его живительные воды.

Казалось, что городок лежит на берегу большого морского залива – на восток за горизонт уходила расширяющаяся к югу синяя гладь Иссык-Куля. Во всех других направлениях возвышались белые шапки величественных гор.

Рыбачье был портовым городом. По Иссык-Кулю шли караваны барж, груженные углем, строительными материалами и другими товарами из Пржевальска и обратно.

Каждая улочка, круто спускавшаяся с севера на юг, заканчивалась у берега озера, поэтому, двигаясь по центральной улице, зигзагом проходившей по городку с запада на восток, на перекрестках можно было видеть синюю гладь Иссык-Куля.

По центральной улице, носящей, как и во всех городах Советского Союза, имя великого вождя пролетариата, размеренно и уверенно шагал высокий старик. Резкие черты лица, глубокие складки, пролегающие от щек до узкого, словно поджатого от негодования рта, тяжелый квадратный подбородок и суровый взгляд темных бездонных глаз говорили о неудобном характере этого пожилого человека.

Гладко выбритые щеки и аккуратно выглаженные брюки и рубаха резко отличали старика от людей, спешивших, как и он, на городской пляж. Местные жители не отличались привередливостью в одежде, считая, что промасленная спецовка и ватная телогрейка, подходят для любых жизненных ситуаций, кроме собственной свадьбы. Немногочисленные отдыхающие, приехавшие погостить к родственникам, тоже не блистали элегантными

нарядами: среди серой массы местных жителей то тут, то там пестрели яркие цветистые сарафаны приезжих женщин и полосатые пижамы, сопровождающих их мужчин.

Городок Рыбачье не имел славы курортного рая. Самые популярные пляжи Иссык-Куля находились дальше – около Чолпон-Аты, в восьмидесяти километрах от Рыбачьего. Редко кто задерживался здесь с целью летнего отдыха. Большую часть береговой линии в городе занимал порт, на городском пляже раздолье было лишь для детворы, где на сто метров от берега было чуть ли не по колено взрослому человеку. Вокруг городка до самых гор – каменистая пустыня. Постоянные ветра, бич Рыбачьего, сдували все облака в сторону Пржевальска, на восток. Там дожди шли почти каждый день, горы были покрыты густыми еловыми лесами, а здесь даже зимой снега не было. С другой стороны, Рыбачье был чистый городок, весь мусор ветры с собой уносили.

Придя на пляж, старик разделся и аккуратно сложил на деревянную скамью свою одежду. Его подтянутое мускулистое тело резко выделялось на фоне тощих фигур молодых юнцов, пышнотелых женщин с кучей резвящихся детишек, пузатых и бесформенных мужчин неопределенного возраста. Кое-кто из них с завистью бросал взоры в сторону почти восьмидесятилетнего старика. Тот, не обращая ни на кого внимания, вошел в воду и поплыл. Редко можно увидеть среди отдыхающих на пляже людей, способных достойно проплыть хотя бы сто метров. Старик же уверенно загребал руками, удаляясь от берега.

Вскоре вокруг старика была только синь неба и синь озера, и тишина, нарушаемая лишь редкими криками чаек. Сюда не доносился гомон с пляжа. Хотелось плыть так бесконечно, чтобы «воды объяли тебя до глубины твоей души». Шум и суета жизни остались далеко позади, лишь ощущение своего тела, приятная ломота в мускулах и прохладный поток воды связывают тебя с этой жизнью. Ни мыслей, ни воспоминаний. Лишь блаженное спокойствие в утомленной душе…

Прошел час. На пляже кто-то из приезжих взволновано выкрикнул:

«Товарищи, вы не видели, старик назад не приплывал?!» На что один из местных старожилов подал голос: «Да не бойтесь, дорогой! Это наш Хаким-ага. Он всегда так долго плавает».

Солнце коснулось горного хребта, и по земле побежали длинные тени от стоящих на пляже людей. Светило из нестерпимо белого превратилось в большой красный шар, на который уже можно было смотреть, не щурясь. Все вокруг окрасилось в яркие теплые краски. Небо на западе тоже стало багровым. Воды озера, отражая краски неба, засветились розовым светом, напоминая расплавленный металл. Солнце неудержимо закатывалось за острую зазубренную горную гряду. Долина быстро погружалась в сумерки. Лишь в небе продолжали гореть алые паруса облаков и загадочно мерцать лениво колеблющиеся воды озера. Старика Хакима все не было.

- Ермек

Два дня назад Хаким прогуливался по городку после обеда. Рыбачье не думает о развлечениях. По своей сути это – большое село. Только вместо колхозников в нем живут рабочие порта, железнодорожники, работники нескольких небольших предприятий, рыбаки и водители. Шофером был и один из двух сыновей Хакима. Грузовой порт постоянно требовал подвоза и вывоза разнообразных товаров и материалов. У водителей постоянно была работа. Другие же работали сезонно. Особенно несладко приходилось тем, кто работал в пансионатах. Летний сезон так короток. Осенью Иссык-Куль вымирает, чтобы очнуться от спячки лишь к середине июня.

После работы у пролетариата лишь одно развлечение – водка. Она же скрашивает бесконечное время от осени до следующего лета. Хаким давно позабыл, когда бывал в театре последний раз. На любимом ипподроме тоже бывает редко – здесь его нет, а во Фрунзе Хаким ездит нечасто. Особенно после размолвки с живущим там племянником. До ссоры старик часто навещал своего родственника, гордился его успехами. Из их некогда большой семьи лишь племяннику удалось добиться достойного места под

солнцем. Ватай, сын старшего брата Хакима – Абдыкадыра, стал ученым, защитил докторскую диссертацию. Получает, наверное, хорошее жалованье. Но не помогает своим родственникам, вот и вышел с ним тяжелый разговор. Хаким не любит хитрить, все напрямую Ватаю и выложил. Конечно, и племяннику тяжело приходится. Четверо детей, жена русская, хотя и признает казахские обычаи, но и по-своему Ватая заставляет делать. А тут еще племянник упрекнул дядю в том, что именно из-за него, Хакима, не может продвинуться в жизни. Ни руководящие посты ему не доверяют, ни в партию не принимают. «Скажи мне спасибо, что не станешь никогда коммунистом, Ватай! – в сердцах выкрикнул Хаким. – Когда-то я с удовольствием рубил шашкой им головы!» И ушел, поклявшись больше никогда не переступать порога этого дома.

В тот раз они с племянником выпили по бутылке водки и были изрядно пьяны. Но, что у пьяного на языке, то у трезвого в голове. С тех пор Хаким ни разу не заезжал к Ватаю, бывая во Фрунзе. И запретил своей сестре, которая жила вместе с Хакимом, бывать у племянника. До этого Ходиша подолгу оставалась в семье племянника. Хорошо ладила с его женой Дусей и их детьми. Хотя, в отличие от Хакима, совершенно не разговаривала по-русски. Смешно и трогательно было смотреть, как две женщины, одна – молодая, другая – старая, сидели друг против друга и разговаривали по душам. Одна на русском, другая на казахском. И обоим был понятен смысл их беседы. Дуся после рождения четвертого ребенка не работала и сидела дома, присматривая за детьми. Поэтому они с Ходишой общались постоянно. Старая казашка учила молодую женщину секретам ведения хозяйства и кулинарному искусству. Любая девушка из казахской семьи должна владеть всеми видами домашнего ремесла. Она должна уметь шить, вышивать, готовить пищу, воспитывать детей и угождать мужу.

Не имея собственной семьи, Ходиша отдыхала душой в семейном кругу племянника. Особенно она привязалась к младшему сыну Ватая – Вите, которого нянчила с пеленок. Старуха чинно

прогуливалась вокруг дома племянника, водрузив ребенка себе на спину. Это была приятная тяжесть. Тетка буквально не спускала малыша с рук, ревниво поджимая губы, когда кто-то другой пытался играть с мальчиком. Ходиша вела долгие монологи с Витей, и он уже многое понимал по-казахски. Малыш цеплялся за длинную юбку старухи во время прогулок, называя ее апой. Сама Ходиша дала мальчику ласковое имя – Коко, на которое тот охотно отзывался.

И тут, как гром среди ясного неба, решение брата, чтобы Ходиша оставила семью Ватая и вернулась в Рыбачье. Старуха плакала, прощаясь с Дусей, умоляла отпустить вместе с ней любимого Коко, но мать была непреклонна. Казашка говорила об обычаях своего народа, что воспитанием детей часто занимаются близкие родственники, что дед может забрать себе ребенка сына или дочки, просила пожалеть ее, бездетную – муж ее погиб на фронте. Ходиша была счастлива здесь, но, как любое счастье, это было быстротечно. Она не могла ослушаться брата. Так уж она была воспитана.

Их двоих, Хакима и Ходишу, связывало многое. Из многочисленных братьев и сестер, которых они когда-то имели, ведь их уважаемый отец Жакия имел трех жен, лишь они двое, дети старшей жены Макубджамал, – остались в живых. Они испытали тяготы голодного похода в Китай, горький вкус поражения, когда по их пятам гналась конница Красной Армии. Хаким и Ходиша познали на себе презрение китайских служащих и военных, нищенскую жизнь в Урумчи, предательство белых офицеров.

Теперь Ходишы нет рядом с Хакимом.. Уже минуло два года, как он похоронил сестру. Да и ему-то сколько осталось?!

Поглощенный невеселыми мыслями, старик шел мимо школы. Крики и шум возни вернули его к действительности. Оглядевшись, Хаким заметил на заднем дворе школы кучу дерущихся подростков. Узнав в гомоне голос внука, старик решительно направился к галдящей толпе.

То, что увидел Хаким, привело его в гнев. Пять или шесть пацанов пытались скрутить и отмутузить его внука Ермека. Тот, будучи явно моложе и слабее налетчиков, изо всех сил оказывал сопротивление. Дед, словно ураган, ворвался в вопящую толпу и раздал нападающим тумаков и подзатыльников. Поверженный противник в страхе бежал, сверкая пятками. Хаким протянул руку лежащему в пыли внуку:

— Вставай, ты не должен валяться перед врагами!»

Внук, утирая слезы и шмыгая носом, пытался что-то объяснить деду. Хаким только гневно сверкнул глазами:

— Никто из нашей семьи не склонялся перед противником.

Потом, потеплев, старик прижал заплаканного мальчика к себе:

— Ты знаешь, когда-то я был борцом. Ни один человек не мог меня одолеть. Я с детства сказал себе, что буду сильным, и я им стал. Я постоянно развивал свою физическую силу и изучил все приемы рукопашного боя. Однажды мой отец, твой прадед Жакия, о, это было очень давно, еще до революции, сидел в компании достойных людей. Один из них стал хвастать, что у него есть непобедимый борец. Говорил, что готовит его на чемпионат мира. А отец поспорил с ним, что я могу победить того борца. Все смеялись над моим отцом, и ему пришлось послать за мной. Он в меня верил, и я не подвел его. Не знаю почему, но я ни одного раза не проиграл. Ни одной схватки. Я думаю, это не только из-за моей силы или умения бороться. Видимо, это стало возможным из-за моей веры в победу. Я никогда не сомневался в победе. Я видел и чувствовал, как ломались более сильные борцы, которые выступали против меня. Их захлестывала моя неудержимая страсть к победе, и если бы они выиграли у меня бой, мне казалось, что я убил бы их. По-моему, они понимали мое состояние, пугались и проигрывали. Сила человека, Ермек, в его духе. Никогда не бойся, и победа будет твоей!

Дома старик пытался что-то еще рассказать внуку из своего

прошлого, но мысли того были уже далеко. Друзья звали его поиграть в футбол. Прошлое неинтересно для детей, они живут настоящим и торопят приближение будущего.

Ермек вертелся на месте, желая отвязаться от нравоучений деда. Внезапно мальчик вскинул на Хакима хитрые глаза и попросил: «Ата, покажите мышку!» Он знал, что эта просьба приятна деду, и рассчитывал хотя бы на миг отвлечь внимание старика.

Хаким обнажил торс и, согнув правую руку, подпер лоб ладонью. Под кожей вздулся мощный бугор бицепса. Старик пошевелил им, то напрягая мышцу, то расслабляя.

Ермек с восторгом смотрел на перекатывающийся бицепс. Ему казалось, что под кожей деда действительно спряталось живое существо. Хаким всегда шутил, говоря детям: «Однажды я крепко спал и открыл рот. Туда и заползла мышь. Видимо, решила, что это нора. С тех пор там она и живет!» Внуки, зная какие рулады выписывает во сне дед, безоговорочно верили в слова старика.

Ермек, выбегая из дома, крикнул напоследок Хакиму: «Ата, то, что вы рассказываете мне о силе духа, я читал в одной книжке. Ее мне Бакыт дал». И был таков.

Хаким немного поворчал, мол, каждый казах должен наизусть знать своих предков вплоть до седьмого колена. Да непросто уметь их перечислить, но об их делах представление надо иметь. Потом махнул рукой. Что там внуки? Его собственные сыновья плохо знают историю своего отца и родного деда. А отец Хакима был известный в Семипалатинске, да и во всем Казахстане, человек. Удачливый промышленник и купец, Жакия держал собственный кожевенный завод, поставлял товар даже в далекую Америку. Бывая в Семипалатинске уже сейчас, при советской власти, Хаким подолгу задерживался около двухэтажных домов, некогда принадлежавших его отцу. Прошло более пятидесяти лет, как умер Жакия, а дома все стоят. И простоят еще лет сто. На совесть тогда строили. Но это уже чужие дома. В каждом окне суетятся какие-то люди, доносится запах готовящейся пищи,

крики детей и их мамаш. Вот уж действительно «все прошло, все растаяло, в безвозвратную даль ушло», но надо, чтобы хотя бы в памяти внуков что-то осталось. Неужели все его прошлое — сплошная ошибка? И уйдет вместе с ним в могилу, не оставив и следа на Земле?

Хаким вынул из сундука свою заветную тетрадь — в ней его воспоминания, и свтлые, и тяжкие. Писал он аккуратным почерком, вырисовывая замысловатую арабскую вязь. Хаким привык к этому шрифту, да и то, что он писал, не должно быть понятно любопытному взгляду. Для всех он — бывший враг народа, который с оружием в руках воевал против большевиков. Хотя в Рыбачьем об этом никто не ведает. Да и остался ли кто-нибудь, кроме близких родственников, кто помнит непобедимого Катая? Так когда-то его звали. В этой тетрадки его история. Боль и отчаяние, победы и поражения, годы скитаний и заключения и тихая жизнь вдали от родных мест.

Хаким отложил свое писание. Сегодня он что-то разнервничался и не может собраться с мыслями. На столе внука он заметил потрепанную книжку без обложки и титульного листа. Книга о силе духа! Так сказал внук. Старик взял ее в руки и принялся читать. Воображение Хакима живо рисовало историю далеких времен.

• Тимур-Мелик

Небольшой караван из двух верблюдов, трех ослов, на двух из которых восседали погонщики, и всадника на низкорослой лохматой лошадке пробирался через невысокий перевал в горах Эль-Бурс. Несмотря на незначительное количество деревянных ящиков, обтянутых кожей, которые колыхались на спинах верблюдов, по тяжелому шагу животных было видно, что поклажа весила немало. Кроме сундуков верблюды несли на себе переметные мешки из тканой шерсти, наполненные провизией, и фляги с водой. Там, откуда шел караван, лежали безводные пустыни. Вода означала жизнь. Здесь же в горах вода была повсеместно. В ущельях текли пенистые реки, из склонов

выбивались прозрачные ручьи.

Погонщики были одеты в холщовые рубахи до пят, их головы были покрыты платками, защищавшими хозяев от знойного полуденного солнца и от утренней прохлады, весьма ощутимой в горах. Ослик, тащившийся за ними на привязи, был нагружен пологом бедуинской палатки, которая давала приют во время ночных стоянок.

Всадник на лошадке следовал за караваном немного в отдалении. Это был худощавый старик в белом платке, перехваченном на голове черным обручем. Одеждой служил балахон, сотканный из полосатой грубой шерстяной ткани. Пышная борода такого же серебристого цвета, что и длинные пряди волос, волнами струилась по груди. Острый нос с горбинкой и круглые глаза придавали лицу сходство с потревоженным филином. Густые брови, изогнутые выразительными дугами, усиливали это впечатление. Казалось, что гигантская хищная птица опустилась на круп лошади, мгновение, и она вспорхнет, унося в когтях несчастное животное.

Лица у путников были покрыты толстым слоем пыли и обожжены солнцем. Видимо, путь их был не близок.

Солнце клонилось к горизонту. Погонщики спешили спуститься с горного перевала поближе к воде и сосновым рощам. Там можно было без труда найти хворост для костра и приготовить пищу.

Закатные лучи окрасили вершины гор в красноватый цвет. Облака, подобно огромным медузам, растянули свои горящие рубиновым цветом щупальца по бирюзовому небу. Долина внизу погружалась в сумерки.

Старик на лошади повел своей хищной головой и издал резкий гортанный звук. Его спутники повернули головы и посмотрели в ту сторону, куда указывала длинная рука старика. Перед узкой расщелиной в скалах, словно прорезанной титаническим мечом, приютилась группа деревьев. Вокруг рощицы виднелись небольшие полянки, удобные для стоянки. Под одним из деревьев горел костер, у которого можно было различить одинокую фигуру

человека.

Лучшего места для ночевки караванщики вряд ли могли найти, да и времени для поисков не было. На небе уже загорелась первая звезда.

Старик первым подъехал к костру, оставив погонщиков дожидаться поблизости. Человек у костра встал ему навстречу.

Это был, без сомнения, опытный воин. Мужчине было около сорока лет, он был среднего роста и крепкого телосложения. В движениях чувствовалась сила, словно внутри него были скрыты взведенные пружины. Лицо, обрамленное небольшой бородкой и забранными назад волосами, было испещрено отметинами былых сражений. Глубокий зарубцевавшийся шрам пересекал правую щеку. Слегка приплюснутый нос и широкие скулы придавали ему мужественный облик. Одежда, сшитая из когда-то дорогой ткани, пестрила следами починки. Доспехи также говорили о высоком положении одинокого воина. Кроме того, старик успел заметить в его взгляде ум и властность, свойственную военачальникам.

— Ассалом алейкум, аксакал! Милости просим к моему очагу.

Старик легко спрыгнул с лошади, несмотря на свой почтительный возраст, и подошел к человеку у костра.

— Алейкум ассалам, почтенный! Мир тебе и твоему приюту!

Старик был на голову выше собеседника, но рядом с воином, излучающим внутреннюю силу, казался хрупким, словно былинка. Оба внимательно изучали друг друга.

— Я Акбар, шейх из Сирии, — первым представился старик, прерывая затянувшееся молчание, — я со своими людьми возвращаюсь на родину.

— Вы были в Персии? — спросил воин. Сириец отметил про себя нежелание собеседника назвать свое имя.

— Да, но не только. Мы путешествуем уже больше четырех лет. Я

посетил Индию и Кашгар, Мавераннахр и Афганистан, Кашмир и Хорасан. А ты сам откуда? – от Акбара не укрылась искорка интереса, мелькнувшая во взгляде человека при перечислении стран.

– Я родом из Мавераннахра, – ответил воин и, поколебавшись, добавил, – меня зовут Хасаном. Когда-то я служил в армии хорезмшаха Мухаммеда. Да вы устраивайтесь, прикажите своим людям ставить лагерь. Скоро совсем стемнеет.

Пока погонщики устраивали ночлег, Акбар принял приглашение Хасана и опустился на расстеленный около костра войлок.

– Ты путешествуешь один? – полюбопытствовал старик. – В наше время это очень опасно. Кругом рыщут монгольские патрули. Хватают всех, у кого нет пропускной пайзы.

– Вы были в Мавераннахре, – не отвечая на вопрос, спросил Хасан, – как там? У меня в Ходженте остался сын.

– Мы видели страшную картину, мой друг. Где прошло монгольское войско, там земля усеяна костями людей. Почти все города разрушены, особенно те, которые не желали покориться Чингисхану. После смерти этого дьявола в человечьем обличье прошло уже четыре года, и новый правитель Угэдэй, его сын, пытается восстановить захваченные отцом земли, поддерживает торговлю. Но такого урона, какой нанес Чингисхан, не видел человек со времен Великого потопа! Монголы убивали и стариков и младенцев. И мужчин и женщин. Даже беременным вспарывали животы и вырывали плод. Ты, Хасан, наверное, был в Мавераннахре, когда Чингисхан свирепствовал там?

– О, да! Прошло уже одиннадцать лет с тех пор, как я начал сражаться с этим волчьим отродьем, я многое пережил и повидал. Моя разоренная земля снится мне и сейчас. Как бы я хотел побывать в Ходженте. Мои родители погибли, но жена и сын… Надеюсь, они живы.

Пока они беседовали, на горы спустилась ночь. Искры от костра

стремительно взлетали вверх, прочерчивая извилистые огненные линии во мраке. Над головой раскинулся мерцающий звездный полог ночного неба. Лишь два костра, один у бедуинской палатки, где суетились погонщики, и другой около молодой сосны, отвоевали у этой непроглядной тьмы небольшие пространства, озаренные колеблющимся светом и наполненные красками.

Ночной воздух был напоен запахом трав, сосновой хвои и едкого дыма от костра. Звенели цикады, и, время от времени, невдалеке ухала ночная птица.

— Уважаемый Акбар, — обратился Хасан к сирийцу, — вы тоже довольно неосмотрительны. Ваш караван идет без охраны. Вы не боитесь разбойников?

— Как ты заметил, Хасан, ни на мне, ни на моих спутниках нет дорогой одежды. В моих сундуках грабители не найдут для себя никакой поживы. Там книги.

— Неужели вы, рискуя жизнью, четыре года своей жизни отдали ради каких-то писаний?! — удивленно воскликнул Хасан. — Чем же вы жили все это время?

— Мой друг, я не только четыре года, но всю свою жизнь отдал изучению этих книг, — мягко возразил Акбар. — А Всемогущий Аллах не оставляет без внимания своих верных слуг! Вера творит чудеса. С помощью Всемилостивейшего мне дана сила излечения от тяжких недугов. Я — вали, мне помогают высшие силы нести людям добро.

— Моя вера в Аллаха, — горестно произнес воин, — сильно пошатнулась за последние годы. Почему Господь отвернулся от нас? Почему кровь залила нашу землю?! Сколько раз я молил Аллаха покарать Чингисхана за его зверства. Но уже полмира под властью его преемников. Нет силы, способной остановить монголов! Два года назад я прекратил сражаться с ними. Я ушел от Джелал ад-дина и теперь не знаю, что мне делать!

Последние слова Хасана прозвучали, словно вопль отчаяния. Пока воин говорил, шейх внимательно изучал его лицо. Акбару казалось, что он уже видел этого человека раньше. Много лет назад.

— Когда мы были в Рее, — тихо проговорил Акбар, — это было пять дней тому назад, дошла весть, что Джелал ад-дин был предательски убит в горах Курдистана. Подосланный убийца подкараулил его в одном из селений, в которых он скрывался от монгольских ищеек, и нанес смертельный удар кинжалом в спину.

Хасан закрыл лицо руками и склонил голову. Тишина нарушалась только треском горящих веток. Молчал и Акбар.

— Я любил его, — наконец проговорил Хасан. — Джелал ад-дин вырос на моих глазах. Я был его наставником и другом. Мне горько слышать о его ужасной участи. Я виню себя за то, что оставил его. Если бы я был рядом, он бы был жив!

— Не сожалей о содеянном, — попытался утешить его Акбар. — Плачь лишь о том, что усомнился в могуществе Повелителя. Только в любви к Аллаху ты можешь найти опору в горе!

Но Хасан, казалось, не слышал слов сирийца. Он смотрел неотрывно на пламя костра. Мысли его были далеко. Что видел Хасан в танцующих всполохах жаркого огня? Какие картины прошлого проплывали перед его затуманенным взором?

Акбар коснулся плеча убитого горем мужчины:

— Я тебя узнал, Тимур-Мелик, — при этих словах Хасан вздрогнул и оглянулся. — Ты не знаешь меня, великий воин, — продолжал Акбар. — А слава о твоих подвигах долетела и до Сирии. Мы все со страхом следили за продвижением войск Чингисхана. Слух о неуязвимости монгольских воинов разнесся повсюду. Никто не мог им противостоять. Подобно огнедышащему дракону катилась армия Чингисхана, сметая все на своем пути. Ты был первый из мусульман, чей клинок обагрился кровью этих исчадий ада!

Тимур-Мелик видел столько смертей, что звездного неба не хватило бы, назови он каждое светило именем несчастной жертвы. Но гибель Джелал ад-дина поразила его в самое сердце.

— Да, Акбар. Тогда я был моложе на одиннадцать лет. Я был полон отваги и решимости уничтожить вторгшегося врага. Мы не подозревали о силе Чингисхана и о его методах ведения войны. Многие в Мавераннахре сдались на милость монголов, но были беспощадно уничтожены. Тогда рядом со мной были единомышленники, такие же молодые и бесстрашные воины, как и я!

— Десять лет назад я видел тебя вместе с Джелал ад-дином в Хорасане, — проговорил Акбар.

— Да, тогда мы с небольшим отрядом бежали от преследования в Несу. Я помню, какой восторг вызвал наш въезд в город. Подступы к Несе охранял монгольский отряд в 700 человек. Они ждали нас. Чингисхан по всем дорогам разослал отряды с приказом найти и уничтожить отряд хорезмшаха. И джигиты Джелал ад-дина, всего-то двести человек против семисот волков Чингисхана, буквально смели монгольский отряд! Мусульманские мечи играли телами этих шакалов, разрубая их на части! Это было время наших побед! В Хорасане многие примкнули к Джелал-ад-дину. В Газну мы пришли с войском в 30 тысяч человек. Джелал ад-дина поддержали эмиры Ирана и Афганистана: Амин ал-Мульк, Сейф ад-дин Аграк, Азам-Мелик, Музафар-Мелик и Хасан — предводитель карлуков. В долине Пянджира недалеко от города Первана наше войско встретило армию монголов. Во главе его стоял любимец Чингисхана, покрывший себя доблестью побед командующий Шики-Хутуху. Два дня бились наши воины. Враг дрогнул и побежал. Это был час торжества! Непобедимая армия Чингисхана бежала в страхе и падала под ударами наших мечей! Лишь жалкие крохи этой армии вернулись к своему правителю.

Тимур-Мелик говорил порывисто и взволнованно. Он словно вновь переживал радость той победы. Лицо воина раскраснелось, и его глаза горели мрачным пламенем.

— Но следующая битва была проиграна Джелал ад-дином, — мягко произнес сирийский шейх. Видя, как дернулось лицо Тимур-Мелика, он поспешно добавил: — Мы горевали об этом поражении. Оно лишило нас надежды на спасение от Чингисхана.

— Это была ужасная битва! Настоящая резня! Мы потеряли почти все войско, — грустно молвил Тимур-Мелик и тут же резко вскричал: — Но в этом нет моей вины. Или вины Джелал-ад-дина! Мы бы победили. Несмотря на то, что сам Чингисхан пожаловал на поле боя. Он никому не доверил сражения с нами! Я видел его лицо! Я видел его взгляд. Я жил тогда лишь одной мыслью добраться до этого дьявола во плоти и разодрать его на части!

Тимур-Мелик замолчал. Все в его душе клокотало от боли за некогда упущенную возможность изменить мир и течение событий. Акбар понимал происходящее внутри этого человека. Он чувствовал — Тимур-Мелику надо излить душу. Многие годы невысказанное копилось в глубине его сердца и теперь вылилось наружу, когда чаша переполнилась. Последней каплей была весть о гибели хорезмшаха. Он был ему дорог больше, чем давно потерянный сын.

— Мы бы победили. Но нас предали! После нашей первой победы эмиры бросились делить добычу, словно шакалы. И перегрызлись между собой! Перед сражением они ушли, забрав с собой половину войска. Но у нас уже не было выбора. Перед нами стоял Чингисхан, а сзади нес свои воды Инд. Наши воины дрались как львы. Монголы дрогнули и отступили. Нам надо было стоять и ждать нового наступления. Но мы верили в свои силы и в свою удачу. Воины погнались за монголами и попали в ловушку. В тыл нам ударил сидевший в засаде 10-тысячный монгольский отряд. Все было кончено в считанные минуты. Наше войско было раздавлено словно пустой бурдюк. Я видел, как Джелал ад-дин сам бросил свою мать и жену с детьми в стремнину реки. Он не хотел, чтобы их разорвали монгольские шакалы. Он тоже устремился на коне со скалы в Инд и поплыл, держась за коня. Многие последовали его примеру, в том числе и я. Но на противоположный берег удалось выбраться менее четырем тысячам

воинов. Вот и все, что осталось от армии Джелал ад-дина! Остальные погибли на поле сражения и в водах Инда. Говорят, что Чингисхан, пораженный доблестью Джелал ад-дина, не позволил монголам преследовать хорезмшаха. Я думаю, он просто не рискнул бороться с бурными водами Инда…

Погонщики приготовили ужин, и Акбар пригласил Тимур-Мелика разделить с ним небогатую трапезу. Во время ужина шейх продолжал беседу с бывшим соратником Джелал ад-дина. Тимур-Мелик рассказал сирийцу о своей первой битве под знаменем хорезмшаха Мухаммеда, отца Джелал ад-дина. Это было сражение с войском каракитаев в долине реки Талас в 1210 году.

Тимур-Мелику тогда было двадцать лет. Он был сыном правителя Ходжента, и его окружали преданные ему джигиты. Хорезмшах вел войско на правое дело. Каракитайский правитель-гурхан сто лет назад пришел с востока и завоевал земли Семиречья и часть Мавераннахра. Настала пора сбросить иноземное иго.

Тимур-Мелик отважно сражался и взял в плен командующего каракитайским войском Таянгу. Хорезмшах Мухаммед, восхищенный отвагой молодого воина, приблизил его, сделав начальником личной стражи. Вскоре он доверил Тимур-Мелику воспитание своего старшего сына Джелал ад-дина, которому исполнилось десять лет. С тех пор и до своего назначения правителем родного города Ходжента в 1219 году Тимур-Мелик не разлучался с сыном Мухаммеда, которого полюбил всем сердцем. Ученик со временем во многом превзошел своего учителя. Джелал ад-дин изучил науки и искусство, был силен в поэзии и философии. Вместе с Тимур-Меликом он постигал военные знания: технику ведения сражений и владения различными видами оружия. Но больше всего воин ценил в принце честность и свободолюбие. Храбрость же Джелал ад-дин впитал с молоком матери.

Старый шейх готов был и дальше слушать историю Тимур-Мелика, но тот, видя усталость Акбара после долгого пути, пожелал сирийцу приятных сновидений. Он поблагодарил старика за трапезу и внимание, оказанное ему ученым человеком, и ушел к

своему костру.

Утром Акбар увидел воина около реки выполнявшим диковинные упражнения. Тимур-Мелик принимал немыслимые позы, поражая гибкостью суставов. С поразительной быстротой и ловкостью уже немолодой вояка принялся упражняться с мечом и небольшим копьем.

После утреннего намаза Акбар подошел к умывающемуся в ледяной воде горного ручья Тимур-Мелику.

— Ты отлично владеешь своим телом и оружием, — похвалил он воина. — Что за странные упражнения ты выполнял?

— Три года после того страшного поражения мы прожили в Индии. Я познакомился с древним искусством йогов. Оно помогает держать себя в форме. Мне не раз приходилось на себе испытать полезность этих занятий. Пять лет после возвращения из Индии мы с Джелал ад-дином провели в постоянных боях и сражениях. Как видишь, я до сих пор жив. Хотя за нами по пятам следовали монгольские отряды с единственной целью — убить нас. Но им это не удавалось. Пока я был рядом с Джелал ад-дином, — с грустью добавил Тимур-Мелик.

— Что же вынудило тебя покинуть любимого человека, которому ты был так предан? — снова спросил Акбар.

— Мы разошлись с ним во взглядах на веру. Последние годы, что мы провели вместе, Джелал ад-дин пытался создать независимое мусульманское государство на Кавказе. Нам приходилось сражаться и с монголами, и с местными христианскими правителями. Поначалу они приняли Джелал ад-дина как защитника от монгольских орд. Мы бились плечом к плечу вместе. И нам удавались самые дерзкие наши замыслы. Мы отбивали любое нападение врагов. Но враг сидел в нас самих. — Тимур-Мелик на минуту задумался. Прошлое вновь навалилось на него. Как он жалел сейчас, что тогда не смог поладить с хорезмшахом. — Джелал ад-дин ненавидел христиан. Утвердившись, он начал их истреблять. Воины Джелал ад-дина творили в грузинских и

армянских селениях то же, что когда-то монгольские собаки у нас на родине. Убивали беззащитных детей, стариков и женщин! Я, как мог, уговаривал Джелал ад-дина прекратить братоубийственную войну. Два года назад я ушел от него, поняв, что не в силах изменить его убеждений!

— Я слышал, что именно два года назад Джелал ад-дину стала изменять удача. Он проигрывал сражение за сражением, — добавил Акбар, — пока не остался с горсткой преданных ему людей. Бывшему хорезмшаху приходилось постоянно менять убежища, монгольские ищейки, почуяв легкую добычу, всюду искали его. Мир праху Джелал ад-дина! Великий Аллах воздаст ему по заслугам за его боевые подвиги во славу поруганной родины и простит ему его заблуждения! Джелал ад-дин уже сделал один шаг на пути к Богу — шагнул из нашего бренного мира в другой, второй приведет его прямо к Аллаху! Омин!

— Омин! — эхом отозвался Тимур-Мелик, проводя раскрытыми ладонями по лицу.

Акбар дал команду собирать лагерь и готовиться к выступлению. Во время завтрака шейх обратился к Тимур-Мелику:

— Куда ты дальше держишь путь, воин?

Тимур-Мелик качнул головой:

— До встречи с вами, Акбар, я надеялся вернуться в Ходжент и отыскать сына. До меня доходили слухи, что он жив. Сейчас всеми землями Мавераннахра управляет Махмуд Ялавач — ставленник Чингисхана и Угэдэя — он купец и развивает торговлю. Я думал, что под чужим именем смогу пробраться в родной город. Но что я буду делать дальше, я не знаю. Известие о гибели Джелал ад-дина, которое вы принесли мне, помутило мой разум. Как будто что разорвалось во мне. Лишило смысла всю мою жизнь. Я привык к сражениям, теперь некому вести меня в бой. Я одинок.

— Ты не можешь быть одиноким, — мягко возразил Акбар. — В тебе

просто слаба любовь к Аллаху. Всемогущий Господь всегда с тобой, Тимур-Мелик! Даже если ты не видишь Его, Он видит тебя. Ты должен хоть раз увидеть Совершенного. У человека есть такая возможность. Кому выпало счастье лицезреть Возлюбленного хоть раз в жизни, посвятит самого себя без остатка служению Аллаху.

— Разве возможно увидеть Бога при жизни? — изумился Тимур-Мелик. — Мы встречаем Его только после смерти.

— Ты ошибаешься, мой друг. Бог во всем, что нас окружает. В этом небе, птицах, деревьях, камнях. Бог есть в каждом человеке. Мы лишь вместилище душ. А душа человека — это зеркало, в котором отражается образ Аллаха. Загляни в свою душу, и ты увидишь образ Всевышнего. Но это таинство требует посвящения и учебы. Пройдет много лет упорного труда и изучения, прежде чем ты сможешь заглянуть в свою душу. Я могу помочь тебе в этом.

— Кто вы, Акбар? — тихо спросил Тимур-Мелик. Ему показалось, что, подобно утопающему, отчаявшемуся в спасении, он готов уцепиться за любую возможность обрести в этой ускользающей жизни смысл и хотя бы видимость твердой почвы. Слова шейха падали на благодатную почву.

— Нас называют суфиями, то есть носящими власяницу. За то, что мы носим грубую шерстяную одежду. Мы отказываемся от земных благ. Суфии отказываются от общества, но те истины, которые открываются нам в одиночестве, заставляют общество молить о посвящении в постигнутые тайны. Суфии не нищие, нищий лишь тот, от кого отрекается общество. Мы же нужны ему. Мы двери к Богу. Надо покаяться в своих грехах и разбудить свое сердце. Любовь к Аллаху должна заполнить всю душу человека, весь его ум. Только любовью может жить суфий. У него нет места ненависти ни к чему, даже к дьяволу! Это звучит странно, но это так. Человек должен пройти четыре ступени познания потустороннего мира, прежде чем полностью погрузится в осознание присутствия Бога. Невозможно такое познать самому. Человека по этому пути ведет учитель. Я могу стать твоим

учителем, Тимур-Мелик. Готов ли ты стать на тернистую тропу познания?

За два года скитаний воин истосковался по единомышленникам, по товарищам, которые окружали его в прошлой жизни. Как ни тяжело было, в какие переделки он ни попадал, рядом с ним всегда были преданные друзья, готовые отдать за него свою жизнь. Тимур-Мелик, не раздумывая, отдал бы и свою за каждого из них. Но все, кого он любил, погибли. Лишь в душе теплилась надежда, что он будет нужным далекому неизвестному сыну, которого он оставил в Ходженте малым ребенком одиннадцать лет тому назад.

— Когда войска Джучи, сына Чингисхана, подошли к Ходженту, я был правителем этого города, — вместо ответа начал свой рассказ Тимур-Мелик. — Монголов было 20 тысяч, и впереди себя они гнали 50 тысяч наших пленных сородичей, взятых после падения Сыгнака и Узгена. Хашар, так монголы называли этих несчастных, заставляли первыми идти при осаде городов. Они погибали от рук защитников, своих сородичей, или от рук монголов, которые безжалостно их убивали при малейшем неповиновении. Жители Ходжента наотрез отказались сражаться с войском Джучи. Они надеялись, в случае добровольной сдачи города, на пощаду. Напрасно я умолял их взяться за мечи. Лишь мои воины готовы были умереть на поле боя. Но что такое тысяча против 20 тысяч монголов и орды обезумевших от страха пленных? Мне пришлось покинуть Ходжент. Мы заняли крепость на острове посередине реки Сырдарьи, неподалеку от города. Десять дней и ночей мои джигиты удерживали остров. Монголы не могли поразить нас ни стрелами, ни снарядами с горящей нефтью. Расстояние было достаточно велико. Тогда они приказали пленным строить насыпь через реку. Целый день несчастные трудились, таская камни и глину, устраивая дамбу. Каждую ночь я посылал своих воинов на лодках, покрытых мокрыми войлоками, обмазанными глиной для защиты от горящих стрел, и они разрушали сооруженную за день насыпь. Нам помогала сама река. Быстрый поток уносил вывернутые нашими руками камни и размывал глину. Монголы пытались охранять по ночам дамбу. Но всякий раз мы

возвращались на остров с победой. К сожалению, то, что не могли сделать монголы – победить нас, сделал голод. У нас кончилась провизия. Несколько дней, страдая от отсутствия пищи, мы удерживали остров. Но, в конце концов, я приказал своим людям сесть на 70 больших лодок, и ночью, при свете факелов, мы поплыли вниз по течению реки. Я рассчитывал вырваться из окружения монголов и попасть в земли, принадлежащие хорезмшаху Мухаммеду. В Ходженте у меня осталась жена с маленьким сыном Османом. Монголы гнались за нами по обеим берегам Сырдарьи. Около Джента нам удалось высадиться на берег. Но этот город тоже уже пал. Вокруг все было наводнено монгольскими войсками. Сражаясь, мы прорвались в Ургенч. Там меня и моих оставшихся воинов встретили как героев.

Тогда нами двигала любовь к родине и ненависть к врагу. Скажите мне, Акбар, если бы у нас не было этой лютой ненависти, смогли бы мы совершить тот дерзкий поход? Смог бы я потом возглавить в Ургенче хорезмское войско и отбить наступление Джучи? Мы ведь взяли обратно город Янгикент. Лишь через полгода Джучи вернулся вновь с новым отрядом.

Тимур-Мелик весь был во власти прошлого. Воспоминания нахлынули на него, терзая сердце. Все ушло. Все было позади. Там остались его товарищи и соратники. Только что он с гордостью говорил о своих былых подвигах, но вот возбуждение схлынуло, и Тимур-Мелик повесил голову.

– Мы все мусульмане, но вера в Аллаха не помогла нам одолеть неверных. Дело вовсе не в силе Чингисхана, а в нашем бессилие. Наши правители не смогли договориться друг с другом, – горько заключил воин.

– Я повторю свой вопрос, готов ли ты стать моим учеником? – вновь произнес Акбар и добавил: – Мало исповедовать ислам, чтобы Аллах простер длань над тобой. Надо неукоснительно соблюдать шариат, иметь духовного учителя и пройти отшельничество для познания единства Вселенной в Боге. Лишь после этого мюрид, ученик, может вступить на четвертую ступень

— полное погружение в Создателя.

Суфизм, хотя и зиждется на исламе, очень древнее учение. Говорят, его семя было посеяно во времена Адама, пустило ростки во времена Ноя, расцвело при Аврааме, плод стал развиваться при Иисусе Христе, и получилось чистое вино при Магомете, пророке Великого Аллаха! Власть, богатство, все наслаждения мира ничто в сравнении с этим бесценным напитком.

Ты спрашивал о ненависти. Я говорил тебе о том, что в сердце, наполненном любовью к Богу, нет места ненависти. Но если у тебя украдут возлюбленную или посягнут на ее честь и жизнь, неужели, Тимур-Мелик, ты будешь спокоен? Что говорить о рабах Божьих, если посягнут на святая святых, на их Возлюбленного?! Иди со мной, Тимур-Мелик! Узнай и узри своего Творца! Ты достоин этого. Ведь в Мавераннахре еще помнят своего героя. Монгольские ищейки рыщут в поисках тебя по всем землям. Сейчас они легко найдут тебя. Прими мой совет, скройся под рубищем суфия. Познай новый для себя мир. Иначе тебя ждет смерть!

• Алаш-Орда

Хаким прервал чтение. События, происходившие более семи веков назад, странным образом взволновали старика и вызвали в памяти картины более близкого прошлого. Закрыв глаза, Хаким прислушался к частому биению сердца и ощутил нарастающую тяжесть в груди. Как близки старику переживания Тимур-Мелика. Родина в опасности! Катится по ней неудержимая лавина всадников, сметая на своем пути любое препятствие. Гибнут воины, защитники городов. Открывают ворота крепостей предатели, готовые встать под знамена врага и убивать своих вчерашних друзей и боевых товарищей. Лишь единицы согласны не раздумывая отдать свою жизнь за свободу родины, несмотря на бесполезность сопротивления — слишком великая сила движется им навстречу.

«Всемогущий Аллах! Почему то, что происходило в моей жизни более полувека назад, до сих пор волнует кровь и будоражит

душу? – пронеслось в мозгу Хакима. – Ведь многое, что я делаю сегодня, я забываю назавтра. Я прожил долгую жизнь, а дни моей молодости вспоминаются, будто это было недавно».

Его отцу, Жакие, было меньше лет, чем Хакиму сейчас, когда закружился по родной земле сокрушительный смерч, разрушая все, что создали люди, унося за собой миллионы людей. Сначала 1916 год, который всколыхнул всю Среднюю Азию. Далекая мировая война, которую вела Россия вместе с другими державами, внезапно оказалась близко. Русский царь повелел призвать инородцев в армию на тыловые работы. Вспыхнуло восстание, подогретое местной верхушкой, которая решила воспользоваться моментом и отколоться от ослабленной войной империи. Распространялись слухи, что людей берут в качестве пушечного мяса на фронт. Восстание быстро охватило всех инородцев Средней Азии: туркмен, казахов, узбеков и киргизов. В некоторых местах, как в Джизаке или в Пржевальске, волнение вылилось в выступления против русского населения, проживающего в этих областях. Начались массовые убийства. И как всегда на Востоке, не щадили ни детей, ни матерей, ни стариков. Прибывшие с фронта карательные отряды казаков утопили восстание в крови взбунтовавшихся.

Люди не успели опомниться от кровавых событий, как всю Россию всколыхнуло снизу доверху – революция! Свергли царя!

Забурлили страсти: комитеты, собрания, выборы депутатов на Всеказахский съезд!

Отец Хакима был уважаемый человек. Собственными трудами выбился в люди, заработал состояние. Имел кожевенный завод в Семипалатинске. Всех сыновей выучил в русской гимназии – знал, что без русского языка, без знаний у казаха, хоть и богатого, будущего нет. Помогал всем бедным. В дни джута, когда в аилах люди гибли от голода, по сорок телег с провиантом по деревням отсылал. Религиозным был, чтил законы шариата.

Вместе с другими двумя братьями совершил хадж в святую Мекку.

Прислушивались многие в Семипалатинске к мнению Жакии-кожа. Выдвигали его в депутаты съезда, но он отказался, сказав, что политика не для него.

Все с нетерпением ждали Учредительного собрания, а дождались новой революции – большевики захватили власть! И новый ураган пронесся от края и до края Российской империи – Советы водворялись насильственно, любое недовольство подавлялось силой, страна оказалась на пороге гражданской войны.

«Анархия волна за волной заметает большие города и деревни по всему государству, анархия растет с каждым днем. Единственный выход – организация сильной власти, которую признало бы все население казахских областей», – так заявил второй Всеказахский съезд в декабре 1917 года. Тогда был образован народный совет Алаш-Орда из двадцати пяти человек и местом пребывания его определен Семипалатинск.

Хаким вспомнил, с каким воодушевлением узнал об Алаш-Орде. Наконец-то Казахстан станет независимым государством! Казахам не по пути с Россией! Председатель Алаш-Орды Бокейхан прямо сказал, что «огромную часть области составляют кочевники с родовым укладом жизни. В Казахстане нет развитой фабрично-заводской промышленности, и ремесленное производство находится в зачаточном состоянии». Байтурсын, один из руководителей Алаш-Орды, предупреждал, говоря, что «большевистское движение сопровождается повсюду насилием, злоупотреблением и диктаторской властью, зачастую на окраинах империи переходя в полнейшую анархию».

Хотя Ленин объявил о самоопределении наций, Советы не хотели терять земли бывшей Российской империи. И понеслись отряды Красной Армии по просторам Средней Азии. Был захвачен Оренбург, пал Коканд. Покатилась гражданская война и по казахским степям.

В августе 1918 года в Семипалатинск прибыл Байтурсын с кавалеристским полком алашской гвардии в пятьсот человек.

Проплывают перед изумленным взором молодого Хакима, тогда еще Катая, расшитые золотом бархатные халаты-камзолы всадников, развеваются белые флаги с изображением юрты в центре.

«Отец, я записываюсь в алашский полк», — проговорил с порога Катай, входя в дом Жакии. Тот молча кивнул головой в знак согласия. Что он может сказать сыну? Родина в опасности. Ему понятно желание казахов жить в мире. В Алаш-Орде из двадцати пяти мест десять отдано не казахам — русским и другим народам, которые живут с казахами бок о бок. Хочется согласия и спокойной жизни, чтобы люди боялись лишь Аллаха, который запрещает совершать преступления и другие мерзкие поступки. Но казахам не дадут жить так, как они хотят. Страшная сила, название которой «большевики», рвется управлять судьбами мира.

«Сынок, — наконец произнес Жакия, — ты должен поступать так, как говорит тебе твоя совесть. Не забывай о Всевышнем. Вера укрепит тебя. Сегодня казахи едины. Они хотят защитить свою землю. Ты молод и силен. Твои братья, Абдыкадыр и Абдулла, обременены семьями. Ты один свободен, но помни о родителях и близких. Мы будем молиться за тебя каждый день!»

Да, в те годы Катай не знал равных соперников в борьбе. А о джигитовке и говорить не надо — дух кочевника был у него в крови. Отец имел большой табун лошадей, и Катай любил бывать с чабанами в горах. Старший же брат Абдыкадыр, или, как все его звали, Кабды, работал на кожевенном заводе, помогал отцу вести хозяйство, занимался поставками пушнины и кож за границу. У него уже двое детей, да и у Абдуллы сын, пускай дома сидят, дело отца продолжают, а он, Катай, будет защищать их.

А война уже кипела вокруг Казахстана. Омск переходил из рук в руки. То его захватывали большевики, то их выбивали оттуда отряды чехов и части отказавшегося подчиниться распоряжениям «красных» полковника Бориса Анненкова. Вся Сибирь была под властью Верховного Правителя адмирала Колчака. Большевистские восстания вспыхивали повсеместно, жестоко подавлялись и вновь разгорались.

Хаким поморшился, подумав, что теперь-то он знает: все было напрасно. Большевики, словно армия Чингисхана, были непобедимы. Сколько усилий было приложено, чтобы задушить «красную гидру», но все напрасно. Какие люди сражались с Красной Армией! С этими голодранцами и нищими люмпенами. Настоящие профессионалы-военные, покрытые славой боевых подвигов, отчаянные герои, готовые все отдать за родину! Они не знали, насколько силен их противник. У большевиков был страшный военный секрет: они могли управлять толпой. Они не говорили: «Давайте создадим рай на земле. Давайте ради этого трудиться». Нет, они говорили: «Давайте все разрушим и все поделим. Кто был ничем, тот станет всем». Это страшный лозунг для толпы. Каждый хочет получить все и сразу, не работая. В чем виноват его отец? В том, что жил и трудился честно? Потом пришел вчерашний нищий, лентяй и кричит: «Это все мое!» По какому праву?! По праву силы? Потому что этот «красный» готов убивать, если ему станут возражать? Тогда и Катай готов убивать, защищая свои права на жизнь!

Колчак, как и большевики, не признал за казахами самостоятельности. Он требовал подчинения Сибирскому правительству. Алаш-Орда сделала свой выбор – она выступила против Советов.

В Семипалатинск въехали «черные гусары» Бориса Анненкова. Одетые в черную форму с цветными погонами, подпоясанные сверкающими серебряными кавказскими поясами, с изображением черепов и скрещенных костей на рукавах и сапогах, отважные партизаны знаменитого полковника, а ныне колчаковского генерала, производили сильное впечатление. Борис Владимирович, обладая крутым нравом, вскоре прибрал всю власть в городе к своим рукам. Хаким вспомнил худощавого человека с удлиненным лицом. Небольшие усики, острый орлиный нос. На голове черная казацкая фуражка с кокардой в виде черепа с костями. На груди георгиевские кресты, Святой Анны, орден Иностранного легиона и английский «За храбрость». И колючие сине-стальные глаза. Кожаный пояс с серебряными накладками подчеркивал стройную

фигуру атамана. Говорили, что он внук одного из декабристов. Рассказывали о его подвигах на германском фронте, где он руководил разведчиками. Немцы назначили большую награду за его голову, но люди Анненкова были преданы своему атаману, словно псы.

Борис Владимирович заприметил видного казаха, когда проходило празднование в связи с приходом Семиреченской армии Аннекова в Семипалатинск. Ни один его черный гусар не смог одолеть Катая.

«Ты далеко пойдешь, – проговорил атаман, приблизившись к Катаю. – Хотел бы я посмотреть на тебя в бою». И выделил несколько офицеров-инструкторов для работы с алашскими джигитами.

«Да уж, куда дальше, – подумалось Хакиму, когда он вспомнил тот разговор, – победы были, но поражения куда чаще! А потом бегство и Красная Армия по пятам!» Старик вспомнил, как уходил из дома. Большевики должны были войти в город с минуту на минуту. Белые офицеры отступали, забирая с собой жен и детей. Уходили, чтобы никогда не вернуться назад. Хотя тогда все они верили, что обязательно возвратятся, и непременно с победой. Старшая сестра Катая Ходиша внезапно кинулась к брату: «Я с тобой! Я не останусь с большевиками!» Зная твердый характер сестры, Катай не возражал, лишь молча глянул на отца. Жакия кивнул головой: «Наверное, так лучше будет». Армия, хоть и разбитая, защитит. Здесь же анархия и пугающая диктатура большевиков.

Хаким хорошо, в деталях, помнит то голодное бегство от преследующей по пятам Красной Армии. Тогда казалось, что живот прилипал к спине от нехватки пищи. Но, когда они с сестрой оказались в Синьдзяне, на китайской территории, оказалось, что голод станет их постоянным спутником. Китайские власти не обрадовались нашествию белого воинства. Хотя бывшие российские дипломатические миссии и выделяли огромные средства генералу Дутову, который стал во главе белых сил в Синьдзяне, и генералу Бакичу, которому подчинялись значительные силы бывшей

колчаковской армии, бежавшей в Китай, алашевцам же, примкнувшим к атаману Анненкову, доставались лишь жалкие крохи. Их царь и бог Анненков из-за своей строптивости сам впал в немилость и Дутову с Бакичем, и китайским властям. Пришлось атаману поступить со своими людьми на службу к китайцам, чтобы хоть как-то выжить. Но те не торопились кормить новоиспеченных охранников. Возмущенный таким отношением атаман захватил крепость Гучен и удерживал ее некоторое время. И хотя Анненков сам
сдал крепость без боя, китайцы посадили его в тюрьму. Вот так Катай с сестрой оказался вдали от родины, никому не нужный. Дутова вскоре застрелили в его собственном кабинете большевистские агенты, армия Бакича была разбита перешедшими через границу с разрешения китайских властей частями Красной Армии, а атаман Анненков, за которым Катай готов был идти и в огонь и в воду, сидел в китайской тюрьме…

Старик очнулся от тяжелых дум. Это было так давно. После этого прожита целая жизнь. Почему же мысли постоянно возвращаются назад? В то смутное время, когда крутился смертоносный смерч по казахской степи. Наверное, потому, что Хаким до сих пор помнит свой первый бой и широко открытые глаза своей первой жертвы. Даже сейчас он слышит, с каким свистом рассекает его клинок воздух. Если не он, значит его! Так учил его атаман Анненков. Только ты, ты должен нанести первый удар! Не дать противнику опомниться, смять и рубить без жалости. Сомнения здесь ни к чему. Если только не хочешь стать бесформенной грудой мяса, изрубленной шашками противника. Враг жесток и отнюдь не милосерден. Он пришел взять твою жизнь! Опереди и возьми его жизнь! Будь искусней врага, будь быстрее и жестче! Только так ты сохранишь свою жизнь и добьешься победы.

Хаким сжал руками голову. Всё, довольно! Он не хочет больше думать об этом. Иначе можно сойти с ума. Он же прожил такую долгую жизнь. Можно думать о чем угодно. О семье, детях, внуках. Хаким в ярости ударил по столу кулаком. Что же вспомнить в этой его «счастливой жизни»? Может быть, годы

тюрьмы или тихую работу бухгалтера? Что он может изменить в прошедшей жизни? Вот она, советская власть, уже шестьдесят лет живет и здравствует. И сам Хаким живет и здравствует в этом богом забытом продуваемом всеми ветрами месте под названием Рыбачье.

Старик вспомнил, как когда-то, давным-давно, еще до революции его брат Кабды, вернувшись из Петерберга, смеясь, рассказывал о том, что ему нагадала там цыганка. Она предрекла она, что в сорок лет Кабды лишится всего состояния. Тогда и он, Хаким, в досаде махнул рукой. Мол, кто же цыганкам верит. А теперь, если посчитать, все сбылось так, как пророчила та гадалка. Ровно в сорок лет не только Кабды, но и все их семейство лишилось всего нажитого. Все было конфисковано, а они сосланы.

Хаким опять тряхнул головой, прогоняя назойливые мысли, и, наугад раскрыв книгу, вновь погрузился в чтение. Его воображение рисовало новые картины далекой истории. Taryhy proza